

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И НАРОДОВ

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-175-189

УДК: 930.85; 008.2; 009; 394

Русская культура как цивилизационный феномен: ценностный аспект

Казин А.Л.**Российский институт истории искусств Министерства культуры
Российской Федерации (Москва, Россия)**

Аннотация. Статья посвящена осмыслению русской культуры как феномена восточно-христианской цивилизации. На большом фактическом материале – преимущественно русской литературы и философии – автор анализирует основные исторические этапы становления отечественной культуры в ее взаимосвязях с религией, мировоззрением и общественно-политической жизнью соответствующего периода. Исходя из принципиальной схемы цивилизации как концентрической системы социальных оболочек, расположенных вокруг религиозно-ценностного ядра, автор подчеркивает непрерывность (континуальность) отечественного культурного кода вопреки революционным сдвигам во времени, будь то петровская западническая реформа, февральский и октябрьский перевороты 1917 года или распад СССР в конце XX столетия. Основными методологическими категориями указанного анализа являются парадигмы классики, модерна и постмодерна как интегральные характеристики истории и теории православно-русской цивилизации в целом, начиная с Крещения Руси и кончая современным переломным этапом ее существования. Принципиальное внимание обращено на общеевропейский и мировой контекст происходящих в отечественной культуре процессов, которые, с одной стороны, являются аспектом глобального идейного развития, а с другой – оказываются уникальными творческими актами именно нашей многовековой традиции. В таком плане отечественная духовная культура, при всей ее «всемирности» (Ф.М. Достоевский), становится в начале XXI века своего рода альтернативой постмодернистскому разрушению образа человека как целостного существа, предельным выражением того, чем представляются трансгуманистические тенденции «заката Европы», грозящие превращением *Homo sapiens* в искусственного киборга.

Ключевые слова: цивилизация, культура, искусство, православие, революция, классика, модерн, постмодерн, Россия, трансгуманизм

Об авторе: КАЗИН Александр Леонидович. Доктор философских наук. Научный руководитель Российского института истории искусств Министерства культуры Российской Федерации, Заслуженный работник культуры Российской Федерации. ORCID ID: 0000-0003-1740-6448. Адрес: 192071, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Бухарестская, д. 33, корп. 2, кв. 182. alkazin@yandex.ru.

Введение

В современном мире идет борьба и в определенном смысле – война цивилизаций. Прибегая к метафоре, можно сказать, что концепция столкновения цивилизаций С. Хантингтона (Хантингтон 2003) победила утопический прогноз Ф. Фукуямы (Фукуяма 2007) относительно либерального конца истории. Со своей стороны, ни одна мировая религия молочных рек в кисельных берегах в финале истории не обещает – речь, как правило, идет о завершении если не исторического процесса в целом, то по меньшей мере одного из его эонов (циклов). Что касается философии, социологии и культурологии, то с течением времени степень их теоретического оптимизма, несомненно, понижается. Вспомним хотя бы нисходящую линию германской мысли, например, от Лейбница с его «лучшим из миров» – к Ницше с его «смертью бога» и Хайдеггеру с его «забвением бытия». Сегодня достаточно взять в руки любую газету, где описываются «красные линии», предъявляемые друг другу основными мировыми цивилизациями, чтобы убедиться в кризисе наличного миропорядка как в теории, так и на практике. Восток и Запад, Север и Юг соревнуются ныне в рамках многополярного мира, и соревнование это – продолжение их истории другими средствами. Современность раскрывается перед нами как поле столкновения гигантских социально-культурных платформ-материков, имеющих многовековую историю и развивающихся, как правило, по своим внутренним законам. Внимание к этим законам не только уместно – оно необходимо. И хотя мы никогда не узнаем их до конца (они суть «причинность из свободы»), но иметь о них хотя бы возможность принципиального суждения не менее важно, чем представлять, например, цель человеческой жизни: каждая крупная цивилизация есть такая же смысловая уникальность, как и каждый человек.

Материалы и методы

В наиболее общем смысле цивилизация – это способ и продукт человеческого существования, обладающего духовно-ценностным единством и реализующим себя социально и материально в большом времени истории. В центре цивилизации находится религиозно-языковое ядро – ключевая вертикаль веры, восходящая к первоначалу бытия (Казин 2020), и язык, на котором люди говорят с ним и друг с другом. Вокруг указанного ядра располагаются цивилизационные оболочки, первой из которых является культура – ансамбль представлений данной цивилизации о благе и зле, истине и лжи, красоте и безобразии (миропонимание, нравственность, искусство). Далее следует собственно социум с его коммуникативными воплощениями реальных ценностей цивилизации, а также технические (технологические) их проекции на уровне предметной деятельности. Уже из этих определений ясно, что внешние обводы цивилизации – в частности, культура – могут далеко отходить от центра к периферии и даже вовсе противоречить ему. В таком плане история любой цивилизации

предстает перед нами как драматическое взаимодействие между сакральными (бытийными) и социокультурными (гуманистическими) ее гранями – от символического богоподобия в классике до богоборческого вызова в позднем модерне. В частности, главные события русской творческой и социальной жизни суть не что иное, как узлы обороны религиозно-онтологического (классического) ядра отечественной культуры от давления модерна, а потом и постмодерна, вплоть до сегодняшнего дня. Попробуем под предложенным философским углом зрения рассмотреть ряд знаковых этапов (вех) отечественной истории культуры, помня при этом, что жизнь всегда шире схемы, хотя, с другой стороны, нет ничего практичнее хорошей теории.

Результаты исследования

Христианская классика

Своеобразие русского пути в большом времени определяется тем, что Россия – не просто христианская страна, а единственная после падения Восточной Римской империи суперэтническая православная страна-цивилизация, занимающая более трети материка Евразии. Стран-цивилизаций в современном мире вообще немного: Россия, Китай, Индия, США, Израиль. Мы не Европа и не Азия – мы Россия. Это всегда понимали наиболее чуткие русские люди. Русский европеец А.С. Пушкин отчетливо сознавал, что «Россия никогда не имела ничего общего с остальной Европою; история ее требует другой мысли, другой формулы»¹

При всей резкости этого утверждения его так или иначе поддерживали почти все выдающиеся художники и мыслители России, составившие ее славу в мире: Пушкин, Гоголь, Чаадаев, Киреевский, Хомяков, Тютчев, Данилевский, Достоевский, Толстой, Леонтьев, Розанов, Бердяев, Булгаков, Тихомиров, Ильин, Франк, Флоренский, Флоровский, Савицкий, Трубецкой, Лосев, Гумилев, Панарин и многие другие. По слову великого поэта, дипломата и геополитика Федора Ивановича Тютчева, «Россия прежде всего христианская империя. Русский народ – христианин не только в силу православия своих убеждений, но еще благодаря чему-то более задушевному, чем убеждения. Он христианин в силу той способности к самоотвержению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы. Революция – прежде всего враг христианства!»².

Под «революцией» Тютчев понимал генеральную линию новоевропейской (модернистской) истории вообще, покидающей Бога ради человека. Восточная Церковь и культура никогда не доверяли уединенному (единственному в своем роде) человеческому опыту. В центре религиозного переживания и творческой практики православия находится собор. Согласно определению А.С. Хомякова, истина недоступна от-

1 Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. М., 1982. Т. 6. С. 415-416.

2 Тютчев Ф.И. Россия и революция // Сочинения Тютчева Ф.И. Стихотворения и политические статьи. СПб., 1900. С. 475.

дельному сознанию. Для этого нужна Церковь, которая «не есть множество лиц в их личной отдельности, но единство Божьей благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати»³.

С тех пор как послы князя Владимира побывали в царьградской Софии и донесли о красоте православной литургии (общего дела), христианская Русь оказывала сопротивление римско-католической, а затем и протестантской дифференциации духовного акта по «точкам зрения», «дискурсам» и т.п. Апофатика и исихия – божественная тайна и «говорящее молчание» – оказались для русского монаха, иконописца, мыслителя и художника важнее самых очевидных (логически вынужденных) доказательств богоприсутствия на уровне наличного бытия. Золотая «луковка-свеча» православного храма есть архитектурная эмблема общения в свете Пресвятой Троицы – тихого согласия в любви, в отличие от антропоцентрической воли романо-готических остроугольных шпилей. «Троица» Андрея Рублева – это безмолвная беседа трех ангелов, где слово тождественно тишине как вечное со-вершение правды: «уже-но-еще-не».

Вся история Киевской, Московской, петербургской и отчасти даже советской Руси наполнена желанием удержать это единство от распада, сохранить вертикальную напряженность культуры, избежать любой симуляции – подчас даже ценой отказа от культуры как таковой. Культура (в том числе художественная) – это, как было отмечено выше, всего лишь одна из оболочек цивилизации, ядро которой составляют вера и язык – в нашем случае православная вера и русский язык церковнославянского корня. В свое время Петр Чаадаев⁴ и маркиз де Кюстин⁵ заметили искусственность европейского обличья петербургской России, назвав ее «империей фасадов». Как мастера критики исторических масок, они были правы: православное сознание уповает на то, что лучше утратить свою свободу в Боге, чем сохранить ее для сатаны.

Пожалуй, ярче всего это проявилось у Пушкина, чье творчество стало как бы вызовом собственному грешному гению. Вся поэтическая и личная судьба Пушкина может быть прочитана как путь к истине вместе с его героями и читателями – через общение с ними в любви.

Вообще, явление Пушкина, наряду с явлением Серафима Саровского и победой в Отечественной войне 1812 года над коронованной буржуазной революцией в лице Наполеона – по меньшей мере на целый век уберегло Россию от западнической рационально-юридической деструкции человека. Императорский Петербург с его регулярными перспективами и фасадами, расчерченными по лекалам Леблона, разумеется, брал свое – но даже на берегах пленительной Невы Медный Всадник гонялся за «маленьким человеком» вопреки, а не благодаря светским приличиям, а Нос гулял по Невскому так, как будто всю жизнь только это и делал. Хваленый реализм клас-

3 Там же.

4 Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма в 2-х тт. М.: Наука, 1991.

5 Кюстин А. де. Россия в 1839 году / пер. с франц.: В 2 т. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1996. 528 с.

сической русской литературы на самом деле есть общение с духами – то самое, где параллельные линии, по слову Достоевского, сходятся (хотя для близорукого человеческого взгляда это только обман зрения).

Как бы то ни было, свою третью столицу – после Киева и Москвы – Святая Русь построила на тех же самых сакральных основаниях, что и прежде: Петр Великий со своими «всепьянейшими» ассамблеями не смог тут ничего изменить. Конечно, в социологическом плане Россия оставалась строго иерархическим социумом, где не только какой-нибудь станционный смотритель, но и, скажем, писатель (к примеру, камер-юнкер Пушкин) был юридически ничтожен перед Царем, однако в отношении мистической вертикали и тот, и другой, и третий оказывались совершенно равными – более того, они соборно общались друг с другом у святой чаши. Не будет большой ошибкой сказать, что и катаклизм 1917 года в конечном счете был вызван народной потребностью правды, которая под напором капитала («желтого дьявола») лишалась своего метафизического места на земле. Речь идет, разумеется, не о марксистско-ленинско-троцкистской идеологии как таковой и не о потугах ма-сонских подмастерьев, а о «радости-страданье» (по формуле А. Блока), которые суть одно, и без которых жизнь на Руси никому не мила, будь она хоть трижды свободной и комфортабельной. Собор православной русской цивилизации дал трещину раньше, чем был взорван московский храм Спасителя – но все же лет на пятьсот позже, чем Европа водрузила на своих священных камнях учение гуманизма. Предстояние перед Всевышним стоит дорого – за одного битого двух небитых дают. Слово «товарищ» ближе христианскому «брату», чем почтительный «господин», куртуазный «сударь» или постмодернистский «другой». Во всяком случае, у нас не образовалось нейтрального пространства между человеком и Богом, где удобно помещаются антропоцентрические («фаустовские») технологии и где так приятно жить. Отсутствие в России цивилизованной «буферной зоны» – ее главное отличие как от западного «открытого общества» с его культом экономического человека, так и от восточной «роевой» традиции, для которой сохранение канона, ритуала является главной упорядочивающей заботой. В этом смысле Россия – действительно Последнее Царство (Казин 1998).

Проект русского модерна

Так или иначе, христианская история не кончилась с Петром. Забегая вперед, заметим, что не кончилась она и с Лениным. Однако после Петра Русь как бы раздвоилась: Восток и Запад, Богочеловек и человекобог встретились друг с другом на туманных улицах невской столицы. За два столетия в петербургской России накопилось большое напряжение между содержанием и формой, между тем, «что» и «как» делалось в стране. Начиная с судьбоносной игры слов в названии (Лотман, Успенский 1982) и кончая «последними днями императорской власти»⁶, Санкт-Петербург вел

6 Блок А. Последние дни императорской власти // Собр. соч.: В 8 т. М.-Л., 1962. Т. 6.

свой трагический империализм к революционной развязке, в которой уже очевидно проступали эсхатологические черты.

Не будем повторять здесь известные мыслительные ходы авторов сборника «Вехи» (1909), проследивших тайну превращения социал-демократического европейского учения о благоустройстве земного бытия (то есть фактически о приспособлении к греху как норме существования) в русскую мечту о мировом спасении. «Русский дух насквозь религиозен. Он не знает, собственно, других ценностей, кроме религиозных», – писал один из авторов «Вех» С.Л. Франк (Франк, 1992) в 1930-х годах, уже обладая опытом революционных и послереволюционных событий. На всем протяжении петербургской истории России стремление жить «не так, как хочется, а так, как Бог велит» объединяло у нас славянофилов и западников, материалистов и идеалистов, монархистов и народников. От трактовки крестьянской общины как зародыша отечественного социализма через призывы к народному восстанию под руководством «критически мыслящих личностей» до культа матери сырой земли и мужика-богоносца – все это входило в поле сознания (и еще больше подсознания) русской интеллигенции на правах, так сказать, его естественных элементов.

Таким образом, соответственно своей истории и своему духовному строю, Россия испытала, осуществила то, что на Западе в лучшем случае было предметом умозрительных построений и салонных бесед. В русской культуре Серебряного века произошло парадоксальное сращение базовых религиозно-исторических ценностей – и прежде всего идеи праведного бытия (в его народном и интеллигентском вариантах) – с пришедшими с Запада претензиями прагматического использования этого бытия, вплоть до его радикальной переделки. Именно в точке подобного сращения «русский Христос» сблизился с петербургским мифом, образ избранного народа – с пролетариатом-мессией, Карл Маркс – с ветхозаветными пророками и Фридрихом Ницше. Как сказал (уже в преддверии революции) святой Иоанн Кронштадский,

Россию куют беды и напасти. Не напрасно Тот, кто правит всеми народами, искусно, метко кладет на свою наковальню всех подвергаемых Его сильному молоту. Крепись, Россия! Но кайся, молись, плачь горькими слезами перед твоим Небесным Отцом, Которого ты безмерно прогневала!..⁷

Так или иначе, классическая христианская культура преобладала в России вплоть до 1917 года, и Серебряный век с его декадентским либерализмом и эстетизмом этого судьбоносного положения в целом не изменил. Вместе с тем после Февраля и Октября мы вступили в период активного социалистического эксперимента, когда в смысловой центр культуры методами революционного насилия вместо Бога был поставлен коллективный человек (партия, класс). Указанная фундаментальная антиномия – тайное религиозное ядро и богоборческая идеологическая трактовка – пронизывает всю культуру советского периода снизу доверху, с 1917 года до 1991. Начиная с великой поэмы Александра Блока «Двенадцать» (этого русского апокалипсиса)

⁷ Россия перед Вторым Пришествием. Материалы к очерку русской эсхатологии. М., 1993. С. 255.

и вплоть до романов Валентина Распутина, музыки Георгия Свиридова и фильмов Андрея Тарковского внимательному наблюдателю открывается постоянная (хотя большей частью и углубленная в подтекст) борьба за Христа в светской русской культуре. Наряду с нею столь же упорной в советское время была борьба и против Христа – от «Черного квадрата» (этой иконы небытия) «комиссара по делам искусств» Казимира Малевича до «некрореализма» некоторых опусов позднесоветского авторского кино. Выделим (достаточно условно, разумеется) несколько главных этапов этой борьбы.

От военного коммунизма к «красному императору»

Советская власть началась, как известно, с красного террора против религии, государственности, истории и культуры русского народа. Уже в январе 1917 года был издан декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Что касается непосредственно духовенства, то хорошо известны указания Ленина о том, что чем больше представителей реакционного духовенства расстрелять, тем лучше. Еще в 1913 году Ленин писал Горькому, что «всякое кокетничанье с боженькой есть невыразимейшая мерзость»⁸. После победоносной революции, в 1923 году, супруга вождя Крупская, руководившая народным «просвещением», распорядилась изъять из библиотек сочинения многих крупнейших отечественных писателей. Большинство представителей классического русского искусства (в отличие от модернистов) эмигрировали тогда за границу (Бунин, Шмелев, Рахманинов, Шаляпин и др.), а православных философов и ученых выслали на «философском пароходе» в Германию. Интернационал-коммунисты нашли страну, которую им было не жалко, рассматривая ее как «вязанку хвороста» для мировой революции.

Однако примерно с 1935 года положение стало меняться. Отказавшись от утопии «без России, без Латвий жить единым человеческим общежитием»⁹, пламенные революционеры – разрушители Империи – постепенно превращались в национал-большевиков (или заменялись ими). Еще в начале 1920-х годов сменовеховцы и евразийцы отмечали национальный аспект большевизма. К двадцатилетию советской власти о национальном коммунизме как превращенной форме идеи соборной правды написал Н.А. Бердяев в своей известной книге «Истоки и смысл русского коммунизма» (Бердяев 1990). Со своей стороны, поэт-старообрядец Николай Клюев прямо утверждал: «Есть в Ленине керженский дух, Игуменский окрик в декрете...»¹⁰.

Именно эту сторону большевизма, по нашему мнению, выдвинул на первый план Сталин. Сталинский переворот в советской идеологии и культуре в некоторых отношениях сопоставим с цивилизационной революцией Петра, хотя Петр смотрел на Запад, а Сталин – наоборот, на Восток. Случайно или нет молодой Иосиф Джу-

8 Ленин В.И. Письмо к Горькому от 14.11.1913 // Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 48. С. 226.

9 Маяковский В.В. Товарищу Нетте, пароходу и человеку // Маяковский В.В. Сочинения. Т. 2. М.: Художественная литература, 1973. С. 69.

10 Николай Клюев. Есть в Ленине керженский дух. URL: <https://www.culture.ru/poems/39459/est-v-lenine-kerzhenskii-dukh> (дата обращения: 02.02.2022).

гашвили учился в духовной семинарии – Бог ведает, однако его мышление оказалось иным, чем у ленинистов-троцкистов. Будучи таким же «демоном революции», как и они, Сталин начал оперировать другими – государственными – категориями. Террор, разумеется, продолжался, но уже под державными знаменами. Бывший революционный боевик к концу 1930-х годов стал, на наш взгляд, единоличным диктатором, а несколько позже – генералиссимусом и «красным императором». «Хитрость истории» проявилась здесь очевиднейшим образом: как вождь революционного авангарда, Сталин, несомненно, осуществлял модернистский социальный проект, однако вольно или невольно он актуализировал одну из скрытых движущих сил этого проекта – классическую русскую соборно-монархическую традицию (Солоневич, 1991)17. В этом, между прочим, отличие Сталина от Наполеона – этого коронованного генерала французской буржуазной революции.

Как бы то ни было, в 1934 году были возобновлены занятия по истории в школах, а также восстановлены исторические факультеты в университетах. Литература, музыка, театр, живопись, кино начали приобретать более привычный для отечественного сознания вид. Была закрыта, например, постановка кощунственных «Богатырей» Д. Бедного, тогда как на представлениях «белогвардейских» «Дней Турбиных» М. Булгакова Сталин лично побывал более десяти раз. Жестоко пострадали театр Мейерхольда и сам Мейерхольд, Клюев, Пильняк, Мандельштам и многие другие. Однако творили Прокофьев и Шостакович, Шолохов и Пастернак, Корин, Дейнека и Пластов. Знаковым событием в изменении идеологического ландшафта явилось празднование в 1937 году столетнего юбилея Пушкина и выход вслед за тем на экраны «Александра Невского» Эйзенштейна с его генеральной темой русского патриотизма. Журнал «Безбожник» прекратил свое существование в 1941 году (вместе с одноименным обществом). В сентябре 1943 года Сталин собрал в Кремле немногих оставшихся в живых церковных иерархов. Результатом этой встречи явилось восстановление в СССР православного патриаршества в полном объеме. Примерно тогда же вместо «Интернационала» советским гимном стала песня А. Александрова, славившая «великую Русь», сплотившую союз республик. Делалось все это во многом из конъюктурно-политических и военных соображений. Однако, нравится это кому-либо или нет, национал-большевики вытянули Россию из болота, в которую ее загнали в феврале 1917 года взбунтовавшиеся либералы и социалисты («фармацевты», по ироническому замечанию Блока). При этом у новой власти не было колоний и волшебных источников нефти, все приходилось делать на энтузиазме, страхе и рабском труде. При осмыслении советской истории 30–50-х годов XX столетия следует решительно отвергнуть как сталинизм в стиле «культа личности», так и патологический антисталинизм в кругозоре кухонного диссидентства. К несчастью, в России не нашлось других исторических и культурных сил, которые осуществили бы воссоздание страны после февральского революционного погрома другими, более гуманными (не говоря уже о христианских) средствами. Надо ясно понимать, что своим сегодняшним существованием мы, живущие в XXI веке, обязаны тем самым «советским» людям, которые в 1936 году голосовали за сталинскую конституцию, а в 1945 году ценой сво-

ей жизни спасали буржуазную Европу от окончательного решения еврейского, славянского и других расовых вопросов. Это были одни и те же люди, один и тот же народ. Это ими восхищался автор контрреволюционных «Окаянных дней» Иван Бунин, публично приветствуя в парижском театре советского офицера. А «философ свободы и неравенства» Бердяев вообще поднял над своим домом в Кламаре красный флаг. Правда, на Родину они не вернулись...

«Русское чудо» XX века заключается в том, что мировоззренческий и политический революционный модерн в православной стране оказался в конечном счете идеологической оболочкой (превращенной формой) совсем иного ценностного содержания. Вопреки сатанинской политике интернационал-коммунистов и обосновывающей ее марксистско-ленинско-троцкистской теории мировой революции, драгоценное христианское ядро отечественной литературы, музыки, живописи, театра не было утеряно, но сохранило себя, подобно граду Китежу при приближении монголов. Третий Рим не весь стал Третьим Интернационалом, хотя и поднял его знамена. Наряду с колоссальным антихристианским / антирусским напором, отечественные писатели и художники советского периода улавливали в шуме и ярости своей эпохи отнюдь не только классовые ноты. Официально атеистическая и поначалу даже воинственно безбожная, советская культура граничила на своей духовно-онтологической глубине с тайной христианской надеждой, часто не осознаваемой в качестве таковой ни властью, ни читателями / зрителями / слушателями, ни даже самими художниками.

О советской истории и культуре не удастся судить по формальному принципу «черное – белое» (Казин 2010). «Красная Совдепия» в 1945 году стала Советской Россией и одержала победу над самой страшной антихристианской и антинациональной силой, когда-либо надвигавшейся на Русь – оккультным нордическим рейхом. А в 1961 году смоленский паренек Юрий Гагарин первым вышел в космос. Советская культура – и вся цивилизация под названием СССР – оказалась во многом русифицирована, и в 1960–1980-х годах вполне могла стать национальной цивилизацией и культурой.

Мифология «оттепели» и «застоя»

К сожалению, этого не случилось. Более того, в конце 1950 – начале 1960-х годов устами Никиты Хрущева была провозглашена политика «возврата к ленинским нормам партийно-общественной и культурной жизни», что на деле означало возврат к эпохе крайнего национального нигилизма и безбожия троцкистского типа. Вернув узников ГУЛАГа из лагерей и предоставив творческой интеллигенции некоторую свободу, Хрущев в то же время воздвиг такие гонения на Русскую Православную Церковь, которые по масштабам приближались к ленинским. Священников, правда, физически уже не убивали. Но по приказу генсека на рубеже 50–60-х годов были закрыты тысячи церквей по всей стране, почти прекращено церковное образование. На фоне успехов в космосе Хрущев обещал показать по телевидению последнего попа. Одно-

временно в официальных советских изданиях ругали модернизм, а Хрущев устраивал свои знаменитые скандалы по поводу модернистских живописных выставок¹¹.

Имели место и более серьезные акции. В 1960-х годах появились манифесты заслуженного марксиста М.А. Лифшица под названиями «Почему я не модернист?» (Лифшиц, Рейнгардт, 1968) и «Кризис безобразия» (Лифшиц, Рейнгардт 2009). В этих выступлениях содержалось немало верного, за исключением главного – отказа признать марксизм-ленинизм одним из ключевых направлений модерна как типа сознания. Модерн, как мы видели выше, есть принцип конструирования мира из человека, сведение первого ко второму. Модерн – это человекоцентризм: человек = Бог. И если «нет объекта без субъекта», то не все ли равно, кто этим субъектом является – отдельное человеческое сознание или, например, сознание классовое, групповое и т.п.? Марксизм-ленинизм-троцкизм и порожденная им «пролетарская» мифология явились, по сути, таким же порождением модерна, как, скажем, либерализм или крайний национализм – только субъекты тут разные. Русская революция и вся последующая история советской власти – это история социально-культурного модерна, точно так же как история американского буржуазного мифа или мифа европейско-националистического (итальянского, германского, испанского, португальского). Иосиф Сталин пытался, правда, опереться в своей политике на другие силы (в том числе религиозные), но у него это неизбежно принимало половинчатый характер.

Указанных духовных связей категорически не понимали (а если понимали, то отвергали) господствовавшие во времена «оттепели» в культуре так называемые «шестидесятники». Они искренне полагали себя передовыми интеллигентами, противостоящими чудовищу тоталитарной власти, не допуская при этом мысли о собственном генетическом родстве с ней. Они пели песни Окуджавы о «комиссарах в пыльных шлемах», как будто забывая о том, к чему привела Россию деятельность этих самых комиссаров, превративших национальную войну в классовый геноцид народа. Они превозносили творчество авангардистов начала XX столетия, не обращая внимания на то, что многие авангардисты первой трети XX века были активными сторонниками революции в России («Ваше слово, товарищ маузер»). Разрушая устои традиционной русской православной монархии, авангардисты шли в деструкции до конца, породив в реальности такие «мутные лики», какие не представлялись даже во сне (разве что Достоевский в «Бесах» увидел). Как писал в свое время мудрый Г.П. Федотов, Пикассо и Стравинский в искусстве – то же самое, что Ленин и Муссолини в политике (Федотов, 1990).

Конечно, к 70–80-м годам XX века острота этих определений несколько стерлась. Советская сверхдержава стремительно обуржуазивалась. Бывшие «инженеры человеческих душ» вопрошали в романах и на экране о том, «что с нами происходит?» и воспевали бескорыстных идеалистов, однако на практике дилемма «искусство или совесть» неуклонно смещалась в сторону «искусства». Гению позволено все – вот типично модернистские лозунги советской «образованщины» 1960-х годов. Фигура тогдашнего «короля поэтов» Евгения Евтушенко в этом плане весьма характерна. Начав

11 Посещение Хрущевым выставки авангардистов // URL: <https://photochronograph.ru/2014/02/05/poseshhenie-xrushhyovym-vystavki-avangardistov/> (дата обращения: 22.01.2022).

в 1952 году с провозглашения Сталина своим «лучшим другом»¹², он всю жизнь затем разоблачал «наследников Сталина». Примерно тем же занимался Вознесенский, начав с поэмы о Ленине и кончив признанием, что в нем «живет семь я». Это были талантливые люди, но их социокультурный горизонт, как правило, не выходил за пределы либеральных штампов. Уже в следующем поколении они получили в качестве расплаты тотальный постмодернистский перформанс, в котором сделался предметом пародирования сам модерн («папино кино»).

Вместе с тем именно 1960–1980-е годы остались в истории русской культуры как один из наиболее плодотворных ее периодов. Именно тогда были опубликованы «За далью – даль» А. Твардовского и написан «Доктор Живаго» Б. Пастернака («лирический эпос» верующего поэта), созданы лучшие произведения Г. Свиридова, В. Гаврилина, А. Шнитке, сняты великие фильмы Г. Чухрая, А. Тарковского, С. Бондарчука, В. Шукшина. Напряженно работал А. Солженицын – при всей спорности его концепций. Расцвела так называемая «деревенская» (а на самом деле – православная) проза и поэзия – В. Астафьева, В. Белова, Е. Носова, В. Распутина, Н. Рубцова. В лице «деревенщиков» за перо – какое перо! – взялся уже уничтоженный, казалось бы, в XX веке русский крестьянин (по этимологии – христианин). Поэт у нас действительно больше, чем поэт.

Современность как выбор

В XXI веке в постмодернистском мире пестрят цветные – «оранжевые», «желтые», «розовые», «голубые», «черные», «белые» и «красные» – манифестации. Нет традиции, нет нации, нет пола, нет Отечества. Рационализм (и тем более пострационализм) – самодостаточный конечный человеческий рассудок – не различает ценностей. Как гениально предвидел Достоевский,

свобода, свободный ум и наука заведут их в такие дебри и поставят пред такими чудами и неразрешимыми тайнами, что одни из них, непокорные и свирепые, истребят себя самих, другие, непокорные, но малосильные, истребят друг друга, а третьи, оставшиеся, слабосильные и несчастные, приползут к ногам нашим и возопиют к нам: «Да, вы были правы, вы одни владели тайной, и мы возвращаемся к вам, спасите нас от себя самих»¹³.

Это не цивилизация, а варварство. Причем варварство вторичное, постцивилизационное. Дело тут не только в транснациональных корпорациях, снимающих любые границы – от географических до моральных – для своих капиталов. В сущности, в XXI веке мы встречаемся с глобальной культурой зла, которую своей волей – сознано – они это или нет – творят свободные носители люциферианского выбора в истории. Антихристианская цивилизация (антицерковь) вошла сегодня в гедонистическую фазу, предвещающую в обозримом будущем гностическую «культуру смерти», и пламя над Собором Парижской Богоматери – не единственный ее символ.

¹² Евтушенко Е. Разведчики грядущего, 1952: «Я знаю: грядущее видя вокруг, склоняется этой ночью самый мой лучший на свете друг в Кремле над столом рабочим» // Евтушенко Е. Собрание сочинений. Т. 1. М.: ЭКСМО, 2014. С. 12.

¹³ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 14. Л., 1976. С. 235.

Что касается России, то здесь все еще впереди. Конечно, культура вообще и искусство в частности суть только грани, стороны единого целого, называемого русской цивилизацией. Главная опасность угрожает России не извне, а изнутри: если капитал у власти, то все позволено. Хлынувший в страну в 1991 году доллар как катком вытаптывает все лишнее для себя – и в духе, и в теле нации. Вопрос в том, сумеем ли мы наладить такой культурно-государственный и хозяйственный порядок, где наши недостатки (с точки зрения «эвклидовского» рыночного *ratio*) обернутся достоинствами, то есть теми преимуществами, благодаря которым Россия, быть может, избежит западного парадокса, когда сила оказывается слабостью, знание – угрозой, свобода – рабством у греха. Дело не столько в столкновении цивилизаций, сколько в способности русской цивилизации предложить миру реальную альтернативу «войне всех против всех».

У нас есть шансы это сделать, если наша политическая и культурная элита наконец станет самодостаточной и поймет, что копировать чужие (и притом бесперспективные) общественные образцы заведомо безнадежно и надо вырабатывать национальную культуру с опорой на собственный цивилизационный код – опыт общего дела, который существовал и в Московском царстве, и в петербургской империи, и в советской державе. Не надо ничего выдумывать, надо только прислушаться к самим себе.

Чтобы преодолеть навязываемую ей демонизацию жизни, России требуется прежде всего твердо держаться своей традиционной иерархии ценностей, которая (вопреки профанному взгляду) никуда не исчезла, но продолжает храниться в архетипе народной души. На уровне культуры России необходима вертикальная иерархия ценностей, лежащих в основе национального образования, искусства и науки. «Горе тем, которые зло называют добром, и добро – злом, тьму почитают светом, и свет – тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое – горьким!»¹⁴.

Наш национальный творческий акт (религиозный, политический, художественный) направлен к абсолютной Личности, а не к безличному «единому» (как на Востоке) или к самому себе (как на Западе). Повторим – теперь уже в качестве вывода: Россия постоянно разрешает парадоксы верующего разума, нравственного поэта, соборного монарха. Русская культура хочет быть (классика), а не только иметь (модернизм) или казаться (постмодернизм). Даже в современных условиях властная и культурная онтология в нашей стране с трудом меняет свою сакральную принадлежность, будь то имитация буржуазной республики, или какая-либо декоративная монархия, или откровенная «семибанкирщина» с капиталами за границей. Гражданское общество (по-русски – «земля») у нас всегда пребывает в напряжении между вертикалью церковно-государственной дисциплины и горизонталью эгоистического самоутверждения. Важно не допустить его до открытого сатанизма, который по мере гуманистического прогресса обретает все большую манипулятивную силу с помощью телевидения, Интернета и других средств моделирования наличного состояния мира.

Выводы

Подводя итог, заметим следующее. Русскому человеку необходима высокая культура и сильное государство не потому, что он «раб» (как полагают русофобы), а потому, что в глубине души он хочет служить чему-то более высокому, чем наслаждение и комфорт. Государству не следует стремиться превратить жизнь в рай, но оно обязано защитить народ от инволютации темных (низовых) энергий. Рай на земле – это выдумка идеологов новоевропейского прогресса начиная с Реформации и Просвещения (философия либерального гедонизма). Запад поверил в эти сказки, по существу, перестав быть христианской частью света (страна «happy end»). Россия, со своей стороны, до сих пор живет мыслью, что власть и культура в стране должны исходить не от вожделений пресыщенной «одиноким толпы» и не от тех или иных «элит», а от Бога. Вопреки потугам всевозможных инженеров и каменщиков человеческих душ, она до сих пор помнит, что блаженны изгнанные за правду. Русским западникам («внутренним эмигрантам») не стоит надеяться на скорое – или не очень скорое – превращение русского народа в европейскую «политическую нацию». В отличие от Запада, в основном уже определившегося (постмодерн), и в отличие от Востока, которому в известном смысле не надо определяться (ритуал всегда равен себе), России как срединной цивилизации материка, сочетающей в себе динамику Европы и устойчивость Азии, постоянно приходится делать судьбоносный выбор между восхождением и нисхождением, между классикой, модерном и постмодерном. Россия, по всей вероятности, найдет себе место в новом многополярном («постковидном») мире, особенно если Индия и Китай помогут ей в этом. Может быть, по этой причине мы до сих пор являемся альтернативой той «цивилизации вечера» (Abendsland), которая стремительно мчится ныне в трансгуманистический ад.

Источники

- Бердяев, Н.А. (1990), Истоки и смысл русского коммунизма [The Origins and Meaning of Russian Communism]. Москва: Наука.
- Казин, А.Л. (2010), Антиномии русской судьбы [Russian Destiny Antinomies] // Казин, А.Л. Русские чудеса [Russian Miracles]. СПб.: Петрополис.
- Казин, А.Л. (1998), Последнее Царство. Русская православная цивилизация [The Last Kingdom. Russian Orthodox civilization]. СПб.: Наука.
- Казин, А.Л. (2020), Событие искусства. Классика, модерн и постмодерн в пространстве русской культуры [An art event. Classics, modern and postmodern in the space of Russian culture]. СПб.: Herzen.
- Лифшиц, М. (2009), Почему я не модернист? [Why am I not a modernist?]. Москва: Классика XXI века.
- Лифшиц, М., Рейнгардт, Л. (2009), Кризис безобразия. От кубизма к поп-арт [The crisis of ugliness. From Cubism to pop art]. Москва: Искусство.
- Лотман, Ю.М., Успенский, Б.А. (1982), Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) [Echoes of the concept of «Moscow – the Third Rome» in the ideology of Peter the Great (On the problem of medieval tradition in Baroque culture)] // Художественный язык средневековья. Москва.
- Солоневич, И.Л. (1991), Народная монархия [People's Monarchy]. Москва.

- Федотов, Г.П. (1990), “Четверодневный Лазарь” [Four – day Lazarus], Вопросы литературы, № 2.
- Франк, С.Л. (1992), Русское мировоззрение / Духовные основы общества [Russian Worldview / Spiritual foundations of Society], Москва: Республика.
- Фукуяма, Ф. (2007), Конец истории и последний человек [The end of the history and the last man] / пер. с англ., Москва: АСТ.
- Хантингтон, С. (2003), Столкновение цивилизаций [Clash of Civilizations] / пер. с англ., Москва: АСТ.

DOI: 10.53658/RW2022-2-1(3)-175-189

Russian culture as a civilizational phenomenon: aspect of values

Kazin A. L.

Russian Institute of Art History of the Ministry of Culture of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Abstract. The article is devoted to the understanding of the Russian culture as a phenomenon of Eastern Christian civilization. The author analyzes the main historical stages of the formation of the Russian culture in its interrelation with religion, worldview and social political life of the corresponding period against the background of substantial facts, principally based on the Russian literature and philosophy. Proceeding from the principled diagram of civilization as a concentric system of social casings, located around the religious valuables kernel, the author keynotes the continuity of the country's cultural code despite the revolutionary shifts in time, irrespective of the existence of the Peter the Great Western-like reform, February or October coup d'état in 1917 or collapse of the USSR late in XX century. The basic methodological categories of the given analysis are the paradigms of the classical, modernist and post modernist style as integral features of history and theory of the Russian Orthodox civilization on the whole, starting from Baptizing of the Russ and ending with the contemporary crucial stage of its existence. The principled attention is drawn towards the general European and world context, which take place in this country's culture and which on the one hand are an aspect of the global ideological development, and on the other are the unique creative acts of our centuries-old tradition. In this aspect this country' spiritual culture with all its worldwide nature (Dostoevsky F.M.), early XXI century is becoming a kind of an alternative for a post modernist destruction of a man's image as an integral being. The utmost expression of the latter are the trans humanistic tendencies in the “decline of Europe”, threatening to turn Homo Sapiens into an artificial cyborg.

Keywords: civilization, culture, art, orthodoxy, revolution, classical, modern, postmodern, Russia, trans humanism

About the author: KAZIN Alexander Leonidovich. Doctor of Philosophy. Scientific Director of the Russian Institute of Art History of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Honored Worker of Culture of the Russian Federation. ORCID ID: 0000-0003-1740-6448. Address: 192071. 33 Bukharetskaya St., box 2, sq. 182, Saint Petersburg, Russian Federation. alkazin@yandex.ru

References

- Berdyaev N.A. The origins and meaning of Russian communism. [Istoki i smysl russkogo kommunisma] Moscow: Nauka, 1990. 224 p. (In Russian)
- Kazin A.L. Antinomies of Russian destiny / Kazin A. L. Russian Miracles. [Antinomii russkoi sudby] [Kazin A.L. Russkii chudesia]. St. Petersburg: Petropavlovsk, 2010. (In Russian)
- Kazin A. L. The Last Kingdom. Russian Orthodox Civilization. [Poslednee tsorstvo. Russkaya pravoslavnyaya tsivilizatsiya]. St. Petersburg: Nauka, 1998. (In Russian)
- Kazin A.L. The event of art. Classics, modern and postmodern in the space of Russian culture [Sobytiye iskusstva. Klassika, modern i postmodern v prostranstve russkoy kultury]. St. Petersburg: Herzen. 2020. 241 p. (In Russian)
- Lifshits M., Reinhardt L. The crisis of ugliness. From Cubism to pop art [Krizis bezobraziya. Ot kubizma k pop art]. Moscow: Iskustvo, 1968. (In Russian)
- Lifshits M. Why am I not a modernist? [Pochemu ya ne modernist?] M.: Classics of the XXI century, 2009. 606 p. (In Russian)
- Lotman Yu.M., Uspensky B.A. Echoes of the concept of «Moscow - the Third Rome» in the Ideology of Peter the Great (On the Problem of Medieval Tradition in Baroque Culture) [Otvuki kontseptsii "Moskva – Treti Rim" v ideologii Petra Pervogo (K probleme sregnevekovoi traditsii v culture barokko)] / The Artistic Language of the Middle Ages. Moscow, 1982. (In Russian)
- Solonevich I. L. The People's Monarchy [Narodnaya monarkhiya]. Moscow, 1991. (In Russian)
- Fedotov G.P. Four-day Lazarus ["Chetverodnevny Lazar"]. *Questions of literature*. 1990. № 2. (In Russian)
- Frank S.L. Russian worldview / Spiritual foundations of society [Russkoie mirovozzrenie/ Dukhovnyi osnovy obshchestva].. Moscow: Republic, 1992. (In Russian)
- Fukuyama F. The end of the story and the last man [Konets istorii i posledny chelovek] / translated from English M.: AST, 2007. 588 p. (In Russian)
- Huntington S. Clash of Civilizations [Stolknoveniye tsivilizatsii]/ trans. from English M.: AST, 2003. 603 p. (In Russian)